

МАРГИНАЛИИ

МОРАЛЬНЫЙ ИДИОТ ПОД МИКРОСКОПОМ

© 2015

В.А. Бачинин

**Бачинин
Владислав
Александрович** —
доктор социологиче-
ских наук профессор,
независимый иссле-
дователь (Санкт-Пе-
тербург). E-mail: nvb-
str@yandex.ru

Цивилизация Велиара — рай для прикладного ницшеанства

В мировом культурном пространстве-времени существует не-
обозримый религиозно-теологический, философско-гумани-
тарный, литературно-художественный интертекст, нацеленный
на осмысление проблемы зла. Одно из его внутренних направ-
лений — это анализ отношений между палачами и жертвами,
исследование сопутствующего трагического контекста и трав-
матического опыта.

Время от времени смысловую поверхность данного интер-
текста взрывают судебные процессы, производящие на обще-
ственное сознание сильное болезненно-отрезвляющее впечат-
ление. Социально-нравственные последствия акций воздая-
ния, как правило, становятся катализаторами серьезных
гуманитарных коллизий и далеко идущих духовных процессов.

В 1961 г. Ханна Арендт присутствовала на иерусалимском
судебном процессе над Адольфом Эйхманом, который при Гит-
лере был одним из самых активных участников геноцида ев-
рейского народа. Вскоре после окончания процесса, в 1963 г.
вышла в свет ее книга “Eichmann in Jerusalem: A Report on the
Banality of Evil” (В русском издании — “Банальность зла. Эйх-
ман в Иерусалиме”).

К тому времени о политических бесах разных национальнос-
тей было написано уже немало. Книга Арендт, явившая собой
развернутый опыт экстремальной политической антропологии,
оказалась посвящена немецкой разновидности этого адского
племени. Там приоткрывалось содержимое коллективной души
немецкой нации, вскормившей демонов. Одновременно книга
была и впечатляющим очерком эмпирической виктимологии (от
лат. victim — жертва), описывающий судьбы индивидов и сооб-
ществ, оказавшихся жертвами катастрофических обстоятельств.

Несмотря на то, что материал был документирован, зло пер-
сонифицировано, палачи и жертвы идентифицированы, оста-

вался до конца не проясненным крайне непростой вопрос: «В чем же заключается смысл слов “банальность зла”?» Ясного, исчерпывающего ответа в книге нет, а самостоятельно додумывать тему сумели не все. Отсюда много недовольных, раздражительных отзывов. Из мнений тех, кому не нравится принцип “non-finito”, возник интеллектуальный тренд анти-арендтовской критики, который, судя по всему, пока не сходит на нет.

Похоже, что Ханна Арендт задала своим читателям слишком сложную задачу. Сравнительно давняя интеллектуальная интрига усугубляется еще и тем, что остро заточенная мысль кажется, сумела из своих 1960-х долететь до цели, о существовании которой сама Арендт и не предполагала. Мысль о банальности зла прямо попадает в реалии некой Угрюм-страны XXI века и более того, вонзается в ахиллесову пяту всей современной интеллектуальной, гуманитарной, духовной жизни, в которой люди разучились называть зло злом и не желают обращаться с ним именно как со злом.

Цивилизация Велиара приучила современных интеллектуалов к постоянному смысловому фону из повсеместно звучащих рассуждений об “обаянии зла”, “творческой силе зла”, о “банальности добра”, о “вызывающих скуку и зевоту добродетелях” и прочее и прочее. Такой мощной апологетикой зла может похвалиться далеко не всякая эпоха и цивилизация. Не оттого ли каждый удачный выпад в адрес зла (даже если он прилетел из прошлого и имеет вид такого сравнительно мягкого определения, как “банальность”) встречается в штыхы?

Демоны политических злодейств

В начале 1960-х казалось, что аналитика Ханны Арендт целиком обращена в прошлое и в будущем будет представлять разве что сугубо архивный интерес. Однако все оказалось гораздо сложнее и драматичнее. Демоны политических злодейств никуда не исчезают, а лишь на какое-то время укрываются в расщелинах социальной материи, в антропологических складках человеческого материала и поджидают своего часа.

“Банальность зла” — это история высокопоставленного нацистского палача. Адольф Эйхман (1906—1962) — невзрачный субъект, “невысокого роста, субтильного телосложения, средних лет, лысеющий”. В годы войны руководил отделом гестапо, осуществлявшим массовые убийства евреев. После войны 15 лет скрывался в Латинской Америке. В 1960 г. агенты Мосада выследили его, захватили и тайно доставили в Израиль, где он предстал перед судом. Спустя два года его повесили как военного преступника.

Ханна Арендт ставит тяжелые, очень неприятные вопросы, адресованные, в сущности, каждому из нас: как обычный, ничем не примечательный человек, не имеющий врожденной злобности и повышенной агрессивности, становится палачом?

Каким образом в нем отмирает все человеческое? Почему кровавые безумства перестают восприниматься иными людьми в качестве диких, чудовищных аномалий, а становятся в их глазах нормой? Каким образом нормальные умственные способности человека сочетаются с запредельным нигилизмом и моральным идиотизмом? Каким образом автономная нравственность превращается в корпоративную, клановую моральность (имморальность), оправдывающую злодейства? Как свободная воля, открытая, казалось бы, для добра, становится злой, преступной, марионеточной волей, прислуживающей темной силе?

Еврейско-германское происхождение Ханна Арндт, взявшаяся за общую для евреев и немцев тему Холокоста, давало ей несомненное право задавать подобные вопросы и высказываться с предельной прямоотой. Эта оценочная прямолинейность вкупе с нетривиальной трактовкой личности военного преступника вывела ее книгу за академические рамки политической антропологии и придала ей характер скандального события.

Скандал носил одновременно и политический, и моральный, и интеллектуальный характер. И по сей день нельзя сказать, что он исчерпал себя. Одним из свидетельств служит то, что личность Ханна Арндт и тема ее отношения к суду над Эйхманом до сих пор представляют повышенный интерес не только для юристов, политологов, специалистов по социальной и моральной философии, но и для достаточно широкой публики. Подтверждением тому служит недавно вышедший на экраны художественный фильм “Ханна Арндт” (реж. Маргарете фон Тротта, 2012).

Один из главных тезисов Ханна Арндт заключается в следующем: банальность индивида как личности, заурядность строя его души являются тем необходимым и достаточным основанием, на котором средние умственные способности органично сочетаются с высокой степенью морального идиотизма.

Нацистское государство нуждалось в орудиях, которые реализовали бы ее программы. И Эйхман идеально подошел для исполнения этой функции. Люди такого склада, не создающие ценностей, не уважающие высокие смыслы, легко уклоняются от соблюдения всеобщих религиозно-нравственных норм. Эти уклонения позволяют им исправно выполнять свою каждодневную, рутинную работу по медленному уничтожению мировой цивилизации. Ханна Арндт не скрывает своего изумления перед открывшимся противоречием “между невыразимым ужасом деяний и несомненной серостью того, кто их совершил” [1, с. 89].

Этика морального идиота

У каждого человека имеется своя этика, иначе он не проделал бы в самостоятельной жизни и нескольких шагов. Для каждого человека его личная прикладная этика — средство адапта-

ции и выживания в том сверхсложном мире, куда он вброшен волею Провидения.

Собственная этика имелаась и у Адольфа Эйхмана. На ее своеобразие указывала Ханна Арендт, когда писала, что Эйхман, отвечавший во время процесса на каждый вопрос либо ложью, либо утверждением “не виновен”, не выглядел носителем какой-либо особой, метафизической загадки. Похоже, он не изображал из себя законопослушного гражданина, исполнительного чиновника, дисциплинированного военного, а действительно был им.

Вместе с тем в личности Эйхмана присутствовало нечто не совсем ясное. При всем невиданном масштабе его преступлений он не был патологическим садистом. Проведенные экспертизы засвидетельствовали, что его психика была в норме. Священник, регулярно навещавший военного преступника в тюрьме, назвал его “человеком с весьма положительными взглядами”. Эйхман постоянно твердил: “Я не убивал евреев. Я не убил ни одного еврея и ни одного нееврея — я не убил ни одного человеческого существа. Я не отдавал приказа убить ни еврея, ни нееврея; я просто этого не делал... Так уж произошло... что мне ни разу не пришлось этого делать” [там же, с. 43]. Это очень важное дополнение, существенно уточняющее его позицию: неучастие в убийствах также не было результатом его личного решения, не зависело от его свободной воли, а значит, никакой его личной заслуги в этом неучастии не было. Если бы власть приказала, то он бы стал убивать. “Сомнений в том, что, доведись ему получить приказ убить собственного отца, он бы этот приказ выполнил, не оставалось” [там же]. Эйхман совершил бы это реальное отцеубийство вполне добросовестно. Из-за патологической неспособности отличать добро от зла, неумения и нежелания видеть грань между нравственностью и политикой, между личной свободой и волей государства, между собственной совестью и приказами фюрера.

Эффективная функциональность Эйхмана как орудия смерти в сочетании с внутренней инертностью интеллекта и совести превратили его в то особое существо, которое нельзя назвать иначе, как моральным идиотом. Стандартные мыслительные способности и полное отсутствие того, что именуется личной нравственностью, давали возможность направлять его деятельность в какое угодно русло, устремлять в любом направлении. Этот очень удобный социальный тип особенно ценился тоталитарными режимами, которые всегда пытаются поставить на поток производство послушных, дисциплинированных обывателей с патологическими признаками морального идиотизма.

Диагностическая формула морального идиотизма характеризует то особое состояние духовно-нравственной отсталости, в которое личность погружается под деструктивным давлением социальной среды. В результате разрушаются этические и эк-

зистенциальные структуры внутреннего “я”, отвечающие за высшие духовно-нравственные функции.

Возникает антропологический парадокс: сравнительно нормальные психические и умственные свойства сочетаются с ярко выраженными этическими аномалиями и духовными девиациями. Индивидуум фактически превращается в морального недочеловека. У него блокируются способности к рефлексии, к критическому самосознанию, к переживанию чувств ответственности и вины за аморальные действия.

Свойства морального идиота формирует в человеке тоталитарное государство, котрому требуется разложение “человеческого материала”, его превращение в инертную массу социального перегноя. Режим предпринимает гигантские усилия по подменам смыслов, по сакрализации откровенно аморальных и противоправных решений власти, по внедрению в массовое сознание новой картины социального мира.

Эйхман с его омертвевшим, упершимся в одну точку рас-судком потому так упорно ссылался на свою подчиненность закону, государству, фюреру, что в его сознании, как и в сознании большинства немцев середины XX века, эти реалии были сакрализованы, осенены ореолом непогрешимости.

Роберт Сервациус, умный и лукавый адвокат Эйхмана, знал истинную цену как законам нацистского государства, так и во-енно-политической деятельности Эйхмана, обладавшего, по его выражению, “душой почтальона”. Ему принадлежат слова о том, что его подзащитный совершил действия, “за которые в случае победы награждают, а в случае поражения — отправляют на виселицу” [там же, с. 42]. Сервациус, ученик Карла Шмитта, крупнейшего автора работ по политической теологии [2], понимал и то, что существуют высшие нормы, восходящие не к локальным человеческим сообществам, а к трансцендентному первоисточнику всего сущего и должного. На одной из пресс-конференций он заявил: “Эйхман считает себя виновным перед Господом Богом, но не перед законом”. Ханна Арендт, однако, категорически возразила против этой сентенции: “Сам обвиняемый такого мнения ничем не подтвердил” [1, с. 42]. Дей-ствительно, для Эйхмана заповеди Бога, в которого он не верил, не обладали абсолютной императивностью. На суде он отказался принести присягу на Библии. Никакие религиозные, метафи-зические, экзистенциальные проблемы его не интересовали. Для него не существовало ни вопросов нравственной свободы, ни мук совести, ни требований нравственной ответственности. Глав-ными регуляторами его социального поведения были нормы корпоративной спайки, действовавшие внутри организации СС.

Эйхмана устраивало такое положение дел и такое состояние собственного внутреннего мира. Всю свою сознательную жизнь он искал покровительства со стороны какой-нибудь могущест-венной и влиятельной внешней системы. Перед тем, как стать нацистом, он едва не вступил в масонскую ложу. Скромный чи-

новник смог превратиться в преданного нациста-эсэсовца потому, что был движим исключительно стадным чувством существа, не имеющего автономной воли. Он всеми силами держался за упорядоченную организационную структуру СС. Выпадение из нее было для него равнозначно катастрофе, поскольку тогда обваливалась бы вся пирамида его жизненных смыслов. Именно в этом ключе он воспринял капитуляцию Германии: “Я чувствовал, что мне предстоит трудная жизнь, жизнь индивидуума, у которого нет вождя, мне больше не от кого будет получать указания, больше мне не будут отдаваться приказы и команды, и больше не будет четких предписаний, с которыми я мог бы сверяться, — короче, передо мной лежала совершенно неизвестная и непонятная мне жизнь” [там же, с. 58].

Помня о “Докторе Фаустусе”

В оценочных суждениях Ханны Arendt, касающихся личности Эйхмана и деятельности его приспешников, встречается выражение “продал душу дьяволу”. Это не просто “крылатое выражение”, но старинная толковательная формула религиозного сознания. В наши атеистические времена она используется разве что в самых крайних случаях. В современной литературе фаустовско-мефистофелевскую тему решаются поднимать лишь очень немногие, да и то когда жизнь сталкивает их с чем-то из ряда вон выходящим. Одним из таких смельчаков был Томас Манн с его “Доктором Фаустусом”, писавшимся как раз в годы Второй мировой войны.

Манн придал формуле “продал душу дьяволу” сюжетобразующий характер и с ее помощью выстроил судьбу своего героя, композитора Адриана Леверкюна, объяснив через нее все основные события его жизненного пути, динамику его взлета и гибели.

Помня об этом, зададимся вопросом: если эта формула работает в одном тексте, то почему бы ей не работать и в других текстах, где речь идет о событиях не слишком тривиальных, достаточно темных и по-настоящему трагических? Если она служит ключом к истории взлета и падения Леверкюна, то отчего бы ей не послужить аналогичным ключом к истории взлетов и падений Эйхмана, Гитлера и прочих военных преступников прошлого и настоящего? Почему бы ее не приложить к судьбам самых одиозных деятелей культуры и искусства, в чьих биографиях и душах слишком много тех “пятен черноты”, которые не давали покоя матери Гамлета?

Формула, устраивавшая Томаса Манна и Ханну Arendt, помогает заглянуть за эпистемологический горизонт позитивного знания, прикоснуться мыслью и воображением к трансцендентной реальности. И если она дает объяснение того, что иными способами необъяснимо, то вряд ли стоит ею пренебрегать. Конечно, тем, кто считает себя атеистами из атеистов, будет затруднительно пользоваться методами библейской герме-

невтики. Но для остальных это еще не причина отказываться от данного направления духовного поиска.

Все проходит, но зло, в котором лежит мир, сохраняется. Исчезают одни его формы, а на смену им приходят другие. Если бы носителями зла были исключительные личности, то его проявлений существовало бы на земле в тысячи раз меньше. Однако реальность такова, что девять из десяти злодеев, а, может быть, и девяносто девять из ста, — это люди вполне обычные, с невыразительными социальными физиономиями, скудной внутренней жизнью и банальным мышлением. Их главное отличие от всех нормальных людей, не запятанных злодеяниями, — то самое, о котором писали Томас Манн и Ханна Арендт: они заключили договор с дьяволом и продали ему свою бессмертную душу.

Чтобы помочь атеистам согласиться с этой формулой, можно попробовать перевести ее на секулярный язык.

Не секрет, что человек, вошедший однажды в политическую реку, перестает принадлежать себе и уже не распоряжается собой. Не зря политику часто сравнивают с роком: она имеет свойство заставлять человека делать то, чего он не хочет делать.

История знает бесчисленное множество свидетельств того, как судьбы отдельных людей и целых народов вершились не по благой воле Господа, а по злой, беспощадной, насквозь демонизированной воле политического рока. В распоряжении политического рока есть целый конгломерат сил, механизмов, инструментов, чтобы убить свободную волю его заложников, которая могла бы воспротивиться личному падению. Это, прежде всего, провокационные политехнологии по обезличиванию, устрашению и деморализации людей. Это brutальный натиск информационной лавины, лишаящий человека способности к сопротивлению, вгоняющий ум, душу и совесть в состояние паралича, раздавливающий духовную автономию.

Самое страшное духовное поражение, которое народ может понести от политического рока, материализовавшегося и облачившегося в формы собственного государства, — это когда население перестает существовать в качестве народа и превращается в расчеловеченную биомассу, в податливую социальную глину, из которой левиафан может лепить все, что ему угодно.

Демон банальности — устроитель антропологических катастроф

У зла, злодейств и злодеев много качеств. Банальность — только одно из них. Оно заинтересовало Ханну Арендт потому, что перед ней была конкретная фигура Эйхмана. Но превращать понятие банальности в универсальную отмычку она, судя по всему, не намеревалась.

По своей сути человек не банален. Банальность вторгается в человеческое существо позже, когда оно обретает возможность свободного выбора, но не умеет распорядиться ею долж-

ным образом, так что становится опасной для себя и окружающих. Она обнаруживается, когда личность умудряется своими свободными действиями наносить тяжелые повреждения своим же этическим и экзистенциальным структурам.

А когда рок возносит посредственность на гребень политической волны, а затем швыряет в стихию злодеяний, — тогда общая личностная заурядность становится проводником для множющихся проступков и преступлений. То есть, природа банальности — чистая потенциальность дремлющей греховности как предположенности человека не к творчеству, а к разрушению.

В основных модусах существования человека, как таковых, в его естественности, социальности, душевности нет банальности. Но когда обыкновенность, будь она естественной, социальной или душевной, входит в плотный контакт с темной силой зла, начинает с ним взаимовыгодное сотрудничество, грозящее разрушить локальные очаги цивилизованности и культуры, — тогда самое время начать разговор о банальности зла.

Существуют мрачные, чудовищно умные, демонические гении изощренных злодейств, но они — большая редкость. На противоположном полюсе находится злодействующая, или готовая к злодеяниям многоглавая серая социомасса. Эйхман — ее “типичный представитель”. И Ханна Арендт попыталась обратить внимание своих читателей именно на это обстоятельство. Одна из ее главных мыслей в том, что абсолютное большинство величайших злодеяний совершается не байроническими медиумами inferнальной тьмы, а посредственными, даже ничтожными человечками, которые не любят и не желают размышлять, не умеют по-настоящему рефлексировать и потому имеют большие проблемы с адекватным пониманием сущего и должного. Такой человек — это что-то вроде антропологической “бледной моли”, пребывающей в состоянии, близком к моральному идиотизму. Для него банальность — это внутренняя расщелина духовной незаполненности. И она всегда готова наполниться какой угодно скверностью. По сути, она и есть проклятие, которым отмечен тот, кто, если воспользоваться выражением из “Фауста” Гете, будучи с рождения наделен даром богоподобия, сумел лучшие из своих свойств лишь “на то употребить, чтоб из скотов скотиной быть”. Банальность продолжает выполнять в его судьбе роль отдельного входа, через который дух тьмы и зла регулярно навещает его душу и мозг.

Банальность как демоническая структура

Банальность зла предполагает банальность злого рассудка, его несuverенность, податливость деструктивным процессам. Такой рассудок не способен противостоять динамике саморазрушения, не умеет извлекать положительный опыт из негативных событий и даже не пытается перерабатывать массу отрицательных впечатлений в позитивную духовную стойкость.

Эйхман, который отказался от веры в Бога, от свободной воли, от нравственной автономии, от самостоятельного мышления, от абсолютных критериев различения добра и зла, тем самым заключил союз еще и с демоном банальности. В обмен на великолепные карьерные возможности от него требовалось переместить рассудок в имморальное пространство нацистской лжесакральности, где приказы носили абсолютный характер. Подобное перемещение означало исчезновение всех препятствий для превращения в механическое орудие смерти, в эффективный инструмент массовых политических убийств.

Таким образом, напрашивается безрадостный вывод: врата, ведущие к политическим злодеяниям, необычайно широки. Политика открывает огромное поле возможностей для успешного превращения банальности в карьерный капитал. Требуется лишь готовность подчиняться злой воле своего демона.

Существует предубеждение, будто неординарные злодеяния совершаются неординарными личностями. Ханна Арендт решительно разрушила эту неоправданную связку, придав совсем не новому тезису о банальности зла ключевой характер. Возникла прочная антропологическо-криминологическая стыковка между неординарностью чудовищных военно-политических преступлений и ординарностью личностей политических преступников.

Правда, само выражение “банальность зла” не вполне точно. У Арендт идет речь о банальности личности, души, мышления человека, творящего зло. Что же касается уже содеянного зла, то оно всегда экстраординарно, как экстраординарен любой эксцесс. Зло в его экстремальной точке — это микро- или макросоциальный взрыв, разрушающий те ценностные и нормативные конструкции, на которых держатся цивилизованные отношения между людьми.

Личности бесчисленного множества злодеев действительно банальны. Хотя существуют и исключения. У Достоевского, например, наряду с банальными злодеями — Петр Верховенский и Смердяков — действуют злодеи неординарные, яркие, талантливые, способные крупно и сильно мыслить (Раскольников, Ставрогин). И соотношение здесь — чуть ли не 50 на 50. Но Достоевский исследовал социокультурную среду XIX века, в которой злодеи, банальные и небанальные, созревали индивидуально, производились штучно. Для каждого из них злодейское поприще было результатом личного, сравнительно свободного выбора.

Иное дело Ханна Арендт, в центре внимания которой тоталитарные режимы XX столетия с их гигантскими фабриками по производству человеко-орудий. Здесь уже возникает принципиально другая статистика, где банальность предстает как массовидная демоническая структура. Она развивается и укрепляется в результате действия, как минимум, трех антропологических факторов. Тон всему задают лидеры. Их главное занятие — организация малых и больших социально-антрополо-

гических катастроф и последующее ручное руководство процессами, протекающими в очагах управляемого хаоса.

Далее следует значительная социальная группа моральных девиантов. Это приспособленцы-функционеры — продажные идеологи и пропагандисты, заплутавшие в смыслах бытия интеллектуалы, писатели, педагоги, а также променявшие Христа на Велиара священнослужители. Все они заняты деятельностью по целенаправленной дезориентации обывателей.

И, наконец, социальное большинство, обывательская масса, которая погружается все глубже в состояние этической невменяемости. Политические лидеры и их группы идеологической поддержки стремятся напоить массу “яростным вином блуда своего”. Социальная материя подвергается внешнему насилию. Возникает обстановка тотального мучительства. Машина мучительства перерабатывает человеческий материал в скопище моральных идиотов, в антропологический ресурс режимов.

Ханна Арендт не утверждала, будто ложь, самообман и глупость были сутью менталитета одного лишь Эйхмана. Она решительно настаивала на том, что к ним же сводилась и суть менталитета всего немецкого народа при нацизме. Она не понаслышке знала о духе лицемерия, ставшем в аномальной атмосфере Третьего Рейха “моральной предпосылкой выживания”.

Тоталитаризм сумел разработать эффективные технологии массового насаждения морального слабоумия, создал и запустил социальные механизмы по превращению нормальных людей в моральных идиотов.

Моральное слабоумие гораздо опаснее слабоумия обычного, поскольку распознается не сразу и успевает нанести немалый вред прежде, чем обнаружатся силы, способные его идентифицировать и нейтрализовать. Сам моральный идиотизм — заразная духовная и социальная болезнь, эпидемии которой время от времени обрушиваются на человечество, так что историю мировой цивилизации вполне можно изображать и как череду таких губительных эпидемий.

Иной раз приходится слышать утверждение, будто “зло только кажется банальным”. С этим трудно согласиться. Банальность, как таковая, — это отнюдь не “кажимость”, а существенное свойство массового зла. И когда современные апологеты лжи, ксенофобии и насилия выказывают болезненно-агрессивное отношение к главному тезису Арендт, то за их нападениями просматривается линия скрытой защиты демона банальности, имеющая все признаки демонодицеи. И в этой стратегии просматриваются признаки истощенности духовных ресурсов современного секулярного сознания.

И в завершении хотелось бы упомянуть об одном курьезе, связанном с коллизией Эйхман — Арендт. У израильского романиста и драматурга Алекса Тарна мне встретилось утверждение, будто Ханна Арендт своим тезисом о банальности зла сняла с Эйхмана огромную часть вины. Мол, раз он — заурядный,

исполнительный бюрократ, не имевший личных преступных намерений, то он становится неподсуден.

Ошибочность этого рассуждения заключается, как мне кажется, в неадекватном толковании слова банальность. Банальность — не индульгенция, не реабилитирующее основание, освобождающее от вины и ответственности. В данном случае она — диагноз, констатация главного, или, как любят говорить философы, системного качества личности.

И еще одно высказывание Алекса Тарна показалось мне примечательным. Рассуждая о недавнем фильме “Ханна Арендт”, он пишет: «И вот смотрим мы этот фильм, и вдруг моя умная жена, до того о Ханне Арендт слыхом не слыхивавшая, говорит: “Она ведь ничем не отличается от Эйхмана...” Именно так! Точнее не скажешь. В самом деле, честный чиновник Четвертого отдела одного из многих бюрократических учреждений воюющей Германии честно исполнял свои обязанности честного чиновника. А честный леволиберальный мыслитель Ханна Арендт честно исполнила свои обязанности честного леволиберального мыслителя. А честная леволиберальная режиссерка Маргарет фон Тротта честно сняла об этом честное леволиберальное кино. И в самом деле, следуя их общей логике, трудно сказать, чем одна “банальность зла” отличается от другой и от третьей...» Железной логике трудно противостоять. Остается разве что вставить в этот перечень еще и честного литератора, который честно разложил все по полочкам, честно раздал каждой сестре по серьге и тем самым честно заявил, что и сам ничем не отличается от не отличающихся друг от друга Эйхмана и Ханны Арендт.

Вот она, неумолимая логика формального подхода. Если за основание идентификации чего-либо или кого-либо берется только один из признаков, а все прочие причинные, детерминистские, индетерминистские, мотивационные, экзистенциальные факторы остаются в стороне, — неизбежно приходишь к абсурду.

Если же банальность рассматривать в контексте реальности тоталитарного насилия, то никакие словесные ухищрения не в состоянии увести в сторону от тяжелой, мрачной истины: суть такой банальности — в регенерация зла, в перекачке бытия в небытие. Она предстает как идеальный канал для таких перекачек, поскольку ее носители не способны ни задавать тормозящих вопросов, ни создавать экзистенциальных помех. Их стихия — этическая и экзистенциальная беспроблемность. Такое мышление механистично, линейно, подобно исправному насосу, методично перекачивающему зло из inferнальной, демонической реальности в реальность поюстороннюю. И в этом его главная опасность.

Литература

1. *Арендт Х.* Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа. 2008.
2. *Шмитт К.* Политическая теология. М., 2000.